

Добрыня и змей

- Воспорóдила Добрыню рóдна матушка,
 Да й возрóстила й до пóльного да вóзрасту.
 И молодой Добрынюшка Микититец
 Был удаленький, дорóдний добрый мóлодец:
 Тó он ездил в поле за охотою,
 Он стрелял там в поли гусей-лебедей,
 И стрелял серых перелетных утенышков.
 И он проездил-тó в раздóльици в чистóм поли,
 И во чистóм-поли то на́ добром кони,
 10. А еще целый день с утра́ и до вéчера.
 Тут проездил же й Добрынюшка во другой раз.
 Говорит-то мóлодцу да родна матушка:
 «Ай же свет мое, да й чадо милое,
 Молодой Добрынюшка Микитинец!
 И ты хошь едидь в поли за охотою,
 Ты стреляешь в поли гусей-лебедей,
 Еще серых перелетных утенышков.
 И молодой Добрынюшка Микитинец,
 Ты не ездит-тко й во дáльне во чистó поле,
 20. И ты на славные на горы Сорочинские,
 А ко тым нора́м да й ко змеи́ным,
 И не топчи́-тко ты, й мóлоденькой Добрынюшка,
 А у тых у нор да у змеинных,
 Еще этых лютых малых змеенышев.
 И ты ище же и, мóлодой Добрынюшка,
 Не ходи-тко ко нора́м да й ко змеинным,
 Не пускай-ко óттуль полонов россе́йских.
 И еще же, мóлодой Добрынюшка,
 И не ездит-тко ко славной ко быстрой,
 30. Ко славной ко́ быстрой к Пучай-реки,
 И не куплись ты, Добрынюшка, в Пучай-реке,
 А Пучай-река очень свирепая.
 Перва стру́ечка идет — так быстрым быстра,
 А друга стру́ечка идет-то быстрее этово,
 А третья стру́ечка идет, будто огнем секет.
 А ще на́ги добры мóлодци не кúплются,
 А во тою ли во славной Пучай-реке,
 Только кúплются дорóдни добры мóлодци.
 В óдних тóнких полóтняных рубашечках».
40. И молодой Добрынюшка Микитинец
 Рóдной матушки да й он не слухался.

- И он ставал по утрушку ранешенько,
 И он оделся во одежицу снарядную,
 И выходил молодец на широк на двор,
 Заходил на конюшеньку стоялую,
 Он берет коня да й богаты́рского,
 За тые он повода шелко́вые.
 Он вседлал коня да й богаты́рского,
 И выезжал он в поле за охотою.
50. И еще ездил он во раздо́льице в чистом поли́,
 И во чистом поли́ и на добром кони́,
 И еще целый день с утра́ и до вечера,
 И похотелся й молодому Добрынюшке
 И съездить в да́лече-в-далече во чисто́ поле,
 А во славное в раздо́льице широкое,
 И то́ на славные на горы Сорочи́нские.
 И тут поехал мо́лодой Добрынюшка
 И он но славному раздо́льицу чисту́ полю
 И на своем добром кони да й богаты́рском.
60. А еще день за день будто дождь дождит,
 И та неделка за неделку што река бежит.
 И приезжает он в далече во чисто поле,
 И он на славные на горы Сорочинскии,
 И ко тым нора́м да ко змеи́ным.
 И у тых у нор да у змеи́ных,
 Насмотрел же мо́лодой Добрынюшка
 И много множество да малых змеенышев,
 И весьма же он на них да распрогневался:
 Он берет-то в руки плеточку шелко́вую,
70. Еще бил коня да й богаты́рского,
 А й еще первый раз он бил между́ уши,
 А потом он ме́жду но́ги ме́жду задние,
- И он давал удары все й тяжелые,
 И пошел его конь богаты́рский да помахивать
 Й он по славному раздо́льицу чисту́-полю,
 Й он от ног змеенышев отряхивал
 И потоптал мо́лодые Добрынюшка
 Много множество он ма́лых змеенышев
 И на тых горах на Сорочинскиих.
80. И похотелся й молодому Добрынюшки
 И поехать ко го́роду ко Киеву,
 И он спускался с тых гор Сорочинскиих
 На своем добром кони́ да богаты́рском.
 Й он тут по раздо́льицу чисту́-полю

- Ехал много поры он много времени.
 И похотелось й молодому Добрынюшки
 А й заехати ко славной ко быстрой,
 А й ко славной ко быстрой к Пучай-реки,
 И подъезжал Добрынюшка к Пучай-реки.
90. И становил коня да й богатырского,
 И сходил он молодец й со добра коня
 И скидавал свою одежицу опальную,
 А потом одежицу снарядную,
 Й он манишечки-рубашечки шелковые,
 И скидывался молодец он до-нага.
 А й во тую ли пору во тое времечко,
 А на той ли на славной Пучай-реки,
 И тут случилось там быть красны девушки,
 И беломойницы й портомойницы,
100. И они мыли бѣльице ты белое,
 И говорят молодцу таковы слова:
 «Ты удаленькой дородний добрый молодец,
 А во нашей во славной в Пучай-реке
 Наги добры молодцы не куплются,
 Столько куплются дородни добры молодцы
 И в одних тонких полотняных рубашечках».
 И говорил Добрынюшка Микитинец:
 «А й же, девушки, да ай вы красны,
 А ще знайте-тко вы сами про себя
110. И ничего вы больше, девушки, не ведайте!»
 И он пошел Добрынюшка в Пучай-реку.
 И за перву струечку зашел так той быстрым-быстра,
 И в другу струечку зашел-то быстрее этово,
 А в третью струечку зашел, быдто й огнем секет.
 И молодой Добрынюшка Микитинец

29

- Плавать мастер был он по быстрым рекам:
 Нырнул он от бережка ко другому,
 Еще через всю он славную Пучай-реку,
 И пронырнул же Добрынюшка по другой раз,
120. И пронырнул же Добрынюшка по три раза
 А ще через славную Пучай-реку.
 А с-под той с-под западной сторонушки
 А не шум шумит и не дождь дождит:
 И великий гром идет.
 И налетала тут Змеиницо-Горыницо
 О трёх главах да й о двенадцати хоботах,
 И надлетела на молодого й Добрынюшку,

- И взлепетала та языком человеческим:
 «А теперь, Добрынюшка, й в моих руках,
 130. И во моих руках, дай во моей-воли,
 А й што хочу, то я и сделаю:
 Либо хочь Добрынюшку й огнем пожгу,
 Либо хочь Добрынюшку й в полон возьму,
 Либо хочь Добрынюшку й в себя пожру».
 И закручинился Добрыня й запечалился,
 Й вспомнил свою родную тут матушку:
 «Й не велела мне да й родна матушка
 Й ездить в далече-в-далече во чисто поле,
 И во славное в раздольице широкое,
 140. А на славныи на горы Сорочинскии,
 И ко тым ко нора́м но змеинным,
 И не велела мне родна матушка
 И топтать лютых малых змеенышов,
 И не велела мне родна матушка
 Да й ходить по нора́м по змеи́ным,
 И выпускать отту́ль да по́лонов расейскиих,
 А й со тых со нор да со змеи́ных,
 Й не велела мне родна́я матушка
 А купатися во славной во быстрой,
 150. А во славной во быстрой в Пучай-реки.
 Й родной матушки я, молодец, не слушался!»
 И он как нырнул тут от бережка ко дру́тому,
 Да й пронырнул же Добрынюшка по дру́той раз,
 Й пронырнул же Добрынюшка й по три раза,
 А ще видит — есть дело не малое:
 А ще эта́я Змеини́цо-Горыни́цо,
 А ще жгет ево да й тело белое,
 Тело белое жгет да й безути́шною.

30

- Й он повы́скочил Добрыня на́ крут на́ берег —
 160. Й ничего во белых ручках не случилось,
 Й насмотрел на крутом на береги —
 Да лежит колпа́чик земли греческой.
 Й он схватил в руки́ колпак, так он ведь мал попал,
 Так он ведь мал попал — й ровно три пуда.
 Й он ударил тут Змеини́ца-Горыни́ца
 Й со всею й силы богаты́рской
 И он по тым по хоботам змеинным,
 Й он сбил змею да й на сыру землю,
 И на сыру землю й во ковыль-траву.
 170. Очень смелой был да й обворотистой:

- Ё поскорёшенько вскочил ей на белы-груды
 Ё хотит срубить ей головы змеиные.
 А й тут Змеиница-Горынища взмолилася:
 «Молодой Добрынюшка Микитинец,
 И ты удаленькой дородний добрый молодец!
 Не руби-то ты моих голов змеиных,
 Ты спусти-тко полетать да по белу-свету,
 Ё по белу-свету й по святой Руси,
 Ё мы напишем-ко, Добрыня, с тобой записи,
 180. А не малые-то записи — великие:
 Ё не съезжаться, не слетаться во чистом поле,
 Ё не делать драки-бою кроволития,
 Ё кроволития й да промежду собой,
 Да промежду собой да й веки-повекам!»
 И молодой Добрынюшка Микитинец
 Поскорёшенько соскочил с груди белые,
 Ё написали они записи не малые,
 А не малы записи, — великие,
 И не съезжаться, не слетаться в чистом-поле,
 190. А не делать драки-бою кроволития,
 А кроволития да промежду собой,
 Промежду собой и веки-повекам.
 И молодой Добрынюшка Микитинец
 Поскорёшенько бежал да й он к добру-коню,
 Ё одевал свою одежицу снарядную,
 Да й рубашечки-манишечки шелковые,
 И одежицу одел свою опальную,
 И тут садится молодец да на добра коня
 Да й хотит поехать во чистое поле.
 200. А й этае Змеинице-Горынище
 Поднимается на хоботы змеиные
 Ё полетела тут змея, да запокрякала:
 «А й как же сыто я сегодня пообедала».
 И полетела же змея по чисту полю,
 А й ще прямо через славный стольно-Киев-град,
 И припадала же змея да ко сырой земли,
 Унесла у князя у Владимира
 А й его-то пленичку любимую,
 А й прекрасную Забаву дочь Путятичну,
 210. А на тые ли на горы Сорочинский,
 А во тые ли во норы во змеиные.
 А й молодой Добрынюшка Микитинец —
 Он поехал же раздольищем чистым-полем,

- И он поехал во славный стольный Киев-град,
 А приезжал во славный стольный Киев-град
 И на свой на славный на широк на двор,
 И повыскачил Добрынюшка с добра коня,
 И принакинул ему поводы шелковые,
 А сам скоро шел в палаты белокаменны.
220. И подбегал ево да парабок любимые,
 И он берет коня да й богатырского
 За тые за поводы шелковые,
 Й он ведет коня к конюшенке стоялшей,
 Й он рассёдлывал коня да й раскóльчуживал.
 Й молодой Добрынюшка Микитинец
 Приходил в палаты белокаменны,
 Й во свои же он во горенки столовые,
 И становился к столикам дубовым
 Й скидал с себя одежицу опальную.
230. Сам садился он за столики дубовые,
 И за тые за скамеечки окольные,
 И поесть он ествушек сахарниих.
 Он попил тут питвецов медвяных,
 И ложился спать он проклажати.
 Спать ложился й на кроваточку тесовую,
 И на тую на периночку пуховую,
 Опосля пути, посля дороженьки,
 И ничем он родной матушке не хвастает.
 И тым эта былина, господа-обчество, покончилась.

Добрыня-сват

В стольном городе во Киеве,
 У ласкова князя у Владимира
 Было пированьице — почестен пир
 На многих князей на бо́яров,
 На могучиих на богатырей,
 На всех купцов на торговых,
 На всех мужиков деревенских.
 Красное солнышко на-вечере,
 Нечестен пир идет на-веселе.

10. Испро́говорит Владимир стольно-киевской:
 «Ай вы все князи, бо́яра,
 Все могучии богатыри,
 Все купцы торговьи,
 Все мужики деревенский!
 Все на пиру поженены —
 Один я князь не женатый есть.
 Знаете ль вы про меня княгиню супротивную, -
 Чтобы ростом была высокая,
 Станом она становитая,
20. И на лицо она красовитая,
 Походка у ней часта и речь баска́,
 Было бы мне князю с кем жить да быть,
 Дума думати, долгие веки коро́тати,
 И всем вам князьям, всем бо́ярам,
 Всем могучиим богатырям,
 Всем купцам торговым,
 Всем мужикам деревенским,

33

- И всему красному городу Киеву
 Было бы кому поклоняться?»
30. Все на пиру призамолкнули
 И ни от кого на пиру ответа нет.
 Один удалый, добрый молодец,
 Из-по имени Дунаюшка Иванович,
 Выходил за столика дубового —
 Очень он пьян — не шатается,
 Говорит речи — не смешается,
 Низки поклоны поклоняется:
 «Князь Владимир стольно-киевской!
 Я знаю про то, ведаю
40. Про тебя княгиню супротивную:
 Во той во земли во хоробро́й Литвы,
 У того королевского величества

- Есть две дочери великие,
 Обе дочери на выдаваньи:
 Бо́льшая дочь Настасья королевична,
 Тая дочь все полякует;
 А меньшая дочь все при доме живет,
 Тая есть Опракса королевична;
 Она ростом высокая,
50. Станом она становитая
 И лицом она красовитая,
 Походка у ней часта́ и речь баска,
 Будет тебе князю с кем жить да быть,
 Дума думати, долгие веки коро́тати,
 И всем князьям, всем бо́ярам,
 Всем могучиим бога́тырям,
 Всем купцам торговыим,
 Всем мужикам деревенскиим,
 И всему красному городу Киеву
60. Будет кому поклоняться». Этые речи слюбилися.
 Скажет князь Владимир сто́льно-киевской:
 «Ай же ты, Дунаюшка Иванович!
 Возьми ты у меня силы сорок тысячей,
 Возьми казны десять тысячей,
 И поезжай во тую землю, в хоробру́ Литву,
 И добрым словом посватайся:
 Бude в честь не дают, так ты силой возьми,
 А столько привези Опраксу королевичну».
- 70 Проговорит Дунаюшка Иванович:
- «Солнышко ты, Владимир сто́льно-киевской!
 Не надо-ка-ва силы сорок тысячей —
 Не надо казны десять тысячей —
 Дай-ка ты мне любимого товарища,
 Любимого товарища Добрыню Микитича».
- Испроговорит князь Владимир сто́льно-киевской:
 «Ай же ты, Добрынюшка Никитинич!
 Пожалуй ты к Дунаюшке в товарищи».
80. И скоро они выедут со города со Киева.
 Скоро сажались на добрых коней —
 Видли добрых мо́лодцев сядучись,
 Не видли добрых мо́лодцев едучись:
 Быдто ясные соколы попу́рхнули,
 Так добрые молодцы повыехали.

- И скоро будут во той земли, хоробрóй Литвы,
У того королевского величества,
На тот двор на королевский
Противу самых окошечек,
90. И скоро сходили со добры́х коней.
Прого́ворит Дунаюшка Иванович:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич!
Стой ты у коней, коней паси,
А поглядывай на ринду (*так*) королевскую,
На палату княженецкую:
Каково мне-ка будет, так тебя позову,
А каково бы время, так приуехать бы».
А приходит к королевскому величеству;
Знает он порядню королевскую:
100. Не надо креститься, молитвиться,
Бьет челом, поклоняется:
«Здравствуй, батюшка-король хоробрóй Литвы!»
А оглянется король хоробрóй Литвы:
«Прежняя ты слуга, слуга верная,
Жил ты у меня три году:
Первый год ты жил во конюхах,
А другой год жил ты во чашниках,
А третий год жил ты во стольниках —
Верой служил, верой правдою.
110. За твои услуги молодецкие
Посажу тебя за бо́льший стол,
За бо́льший стол, в большо́ место:
Ешь молодец досыта,
- И пей молодец до́люби».
- И посадил его за бо́льший стол в большо́ место,
Стал его король выпрашивать:
«Скажи, скажи, Дунай, не утай себя,
Куда ты поехал, куды путь держишь?
Нас ли посмотреть, али себя показать,
120. А у нас ли пожить, а еще послужить?»
«Батюшка-король хоробрóй Литвы,
А поехал я за добры́м делом,
Засвататься на твоей дочери на Опраксии».
Этии речи ему не слюбилися:
«Ай же ты, Дунай сын Иванович!
Не за свое дело взялся — за бездельице:
Ме́ньшую дочь ты просватывашь,
А бо́льшую дочь чем за́садил?

- Ай же вы, татаровья могучии,
 130. Возьмите Дуная за белы́ руки,
 А сведите Дуная во глубок погреб,
 Заприте решоткамы железныма,
 Задвиньте доскамы дубовыма,
 Засыпьте песками рудожелтыма;
 Пусть-ка Дунай во Литвы погостит,
 Во Литвы погостит, в погребу посидит,
 А может Дунай догадается».
- Выставал Дунай на резвы ноги
 И здымал рученьки выше своей буйной го́ловы,
 140. И опирается на рученьки о дубовый стол:
 Столы дубовые роскряталися,
 Питья на столах проливалися,
 Вся посуда россыпалася,
 Все татаровья испужалися.
 Скоро прибежали слуги верные
 Со того двора с королевского:
 «Ай же ты, батюшка-король хоробро́й Литвы,
 Ешь ты, пьешь, утешаешься,
 Над собой невзгодушки не ведаешь:
150. На дворе детина не знай собой —
 Во левой руке два повода добры́х коней,
 А во правой руке дубина сарацинская;
 Как быв ясный сокол попурхивает,
 Так тот добрый молодец поскакивает,
 На все стороны дубиною размахивает,
 И убил татар до единого,
 Не оставит татар на семена».
- Тут король догадается,
 Проговорит король хоробро́й Литвы:
 160. «Ай же, Дунаюшка Иванович!
 Напомни ты старую хлеб да соль,
 Оставь татар хоть на се́мена,
 Отдам свою дочь королевичну
 За вашего князя за Владимира».
- Скоро оны садились на добрых коней,
 Скоро поехали с того двора королевского
 С молодой Опраксой королевичной.
 И во тые пути во дороженьки
 Сустигала их ночка темная;
170. Роздернули полатку полотняную
 И тут добры мо́лодцы и спать легли;

- Во ноженьки поставили добры́х коней,
 И в головы востры́ копыи,
 А по правую руку сабли вострые,
 А по левую кинжалища булатные.
 И спят добры мо́лодцы, высыпаются,
 Темную ночь коротаючись;
 Ничего добры мо́лодцы не видели,
 Хоть не видели оны, столько слышали,
180. Как ехал татарин на чисто́ поле.
 Повставали поутру ранешенько,
 И выходили на путь на дороженьку:
 Едет татарин в погону вслед,
 Добрый конь в дорожку до щеточки прогрязывал,
 Камешки с дорожки вывертывал,
 За два выстрела камешки выметывал.
 Поехал Добрынюшка Никитинич
 С Опраксой королевичной ко городу ко Киеву,
 Поехал Дунаюшка Иванович
190. По этой по лошадиной по ископыти
 За тем татаринном в погону-вслед.
 Где было татарина так доезжать,
 Где было татарина копьем торыкать,
 Так с татаринном промолвился:
 «Стой ты, татарин, во чистом поле,
 Рыкни, татарин, по-звериному,
 Свистни, татарин, по-змеиному!»
 Рыкнул татарин по-звериному,
 Свистнул татарин по-змеиному!
200. Темные леса роспадались,
 В чистом поле камешки ро́скатывались,
 Траванька в чистом поле повянула,
 Цветочки на землю повысыпались,
 Упал Дунаюшка с добра коня.
 Скоро Дунаюшка ставал на резвы́ ноги,
 И сшиб татарина с добра́ коня:
 «Скажи ты, татарин, не утай собою:
 Чьего ты, татарин, роду, чьего племени?»
 Говорил татарин таковы слова:
210. «Ай же, Дунай сын Иванович!
 Как быв был я на твоих грудях,
 Не спрашивал ни родины, ни дедины,
 А пласта́л бы твои груди белые».
 Садился Дунаюшка на белы́ груди,

- Как раскинул плащи татарские,
 Хочет пластать груди белые,
 А видит по перьям, что женский пол.
 У его сердечушко ужа́хнулось,
 А рука в плечи застоялася:
220. «Что же ты, Дунаюшка, не о́познал?
 А мы в о́дной дороженьки не езживали,
 В одной бесе́душки не сиживали,
 С одной чарочки не кушивали?
 Ты жил у нас ровно три году:
 Первый год жил ты во конюхах,
 А другой год ты жил во чашниках,
 А третий год жил во стольниках».
 «Ай же ты, Настасья королевична,
 Поедем мы скоро ко городу ко Киеву,
230. И примем мы чудны́ кресты, золоты венцы».
 Приехали ко городу ко Киеву,
 Ко той ко церкви соборные;
 Ме́ньша сестрица венчается,
 Бо́льша сестрица к венцу пришла.
 Пир у них пошел ровно по три дни;
 На пиру Дунаюшка росхвастался:
 «Во всем городе во Киеве,
 Нет такого молодца на Дуная Ивановича:
 Сам себя женил, а друга́ подарил».
240. Ответ держит Настасья королевична:
 «Ай же ты, Дунай Иванович!
 Не пустым ли ты, Дунаюшка, росхвастался?
- А и не долго я в городе побыла,
 А много в городе признала.
 Нет такого молодца на щепленьице,
 На щепленьице — Добрыни Никитича,
 А не на смелость Алеши Поповича,
 А на выстрел нет Настасьи королевичной:
 А стреляла я стрелочку каленую,
250. Попадала стрелкой в ножечной острей,
 Россекала стрелочку на две половиночки,
 Обе половинки ровны́ пришли,
 На взгляд ровнаки и весом ровны».
 И тут Дунаюшки ко стыду пришло,
 Скажет Дунаюшка Иванович:
 «Ай же ты, Настасья королевична!
 Поедем Настасьюшка в чисто́ поле

- Стрелять стрелочки каленые».
И выехали во чисто́ поле:
260. И стреляла ёна стрелочку каленую,
И попадала стрелкой в ножечной острей,
Россекала стрелочку на две половиночки,
Обе половинки ровны́ пришли,
На взгляд ровнаки и весо́м ровны.
И стрелил Дунаюшко Иванович:
Так раз стрелил и перестрелил,
Дру́гой раз стрелил — не дострелил,
И третий раз стрéлил — попасть не мог.
Тут россердился Дунаюшка Иванович,
270. Наставил стрелочку каленую
Во Настасьины белы́ груди.
Тут Настасья ему смолилася:
«Ай же, Дунаюшка Иванович!
Лучше ты мне-ка-ва пригрозил три грозы,
А не стреляй стрелочки каленые.
Первую грозу мне-ка пригрозил:
Возьми ты плеточку шелковую,
Омочи плетку в горячу смолу,
И бей меня по нагу телу;
280. И другую грозу мне-ка пригрозил:
Возьми меня за волосы за женские,
Привяжи ко стремени седельному
И гоняй коня по чисту́ полю;
А третью грозу мне-ка пригрозил:
Веди меня во улицу крестовую
- И копай по перьям во сыру землю,
И бей меня клиньямы дубовыма,
И засыпь песками рудожелтыма,
Голодом мори, овсом корми,
290. А держи меня ровно три месяца.
А дай мне-ка черево повы́носити,
Дай мне младенца поотро́дити,
Свои хоть се́мена на свет спустить.
У меня во череве младенец есть —
Такого младенца во граде нет:
По колен ножки-то в серебре,
По локоть руки-то в золоте,
По косицам частые звездочки,
А в темі́ печет красно солнышко!»
300. На эти он речи не взираючись,

И спускает стрелочку каленую
Во Настасьины белы́ груди;
Пала Настасья на головушку;
Пластал ён ёй груди́ белы́,
Вынимал сердце со печенью —
У нее во череве младенец есть,
Такого младенца во граде нет:
По колен ножки-то в серебре,
По локоть руки-то в золоте,
310. По косицам частые звездочки,
А в темі́ печет красное солнышко.
Тут сам ён свои руки посегнулся:
Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина голо́вушка,
Протекала речка Настасья-река.

Добрыня и Маринка

Да во стольноём во городе во Киеви
 И у ласкова князя у Владимира
 И вси были богатыри позазваны,
 Паляницы удалыи да й пособраны,
 Да вси на пиру сыты, пьяны, веселы.
 Да прогорил тут солнышко Владимир князь:
 «А вси богатыри сыты, пьяны, веселы,
 Я могу нунь похвастать городом,
 Да городом да Киевом».

10. Да проговорят богатыри да таково́ слово:
 «Мы можем похвастать силой своей да богатырской».
 Да сидит-то младый Добрынюшка Никитинич:
 «Да ты, солнышко Владимир стольно-киевской!
 Я служу у тебя во двори да княженецком,
 Да спусти меня съездить по городу,
 Да по городу да по Киеву,
 Да по этим по узким переулочкам».
 Да проговорят тут русски могучи богатыри:
 «Ай же ты, младой-то Добрынюшка Никитинич,
 20. Поезжай-ко ко подворьицу ко вдовиному,
 Да спрости-тко ты у честно-мужней вдовы — Офимьи
 Александровны,
 Да ты проси-тко прощеньица,
 Да ты проси-тко-то благословеньица,
 И ехать-то по городу,
 А по городу ведь по Киеву,
 Да по этим по узким переулочкам».

41

- Да проговорит честно-мужняя вдова Офимья
 Александровна:
 «Ай же ты, младой-то Добрынюшка Никитинич!
 Ты поедешь-то по городу по Киеву,
 30. По этим по узким переулочкам,
 Только не заедь в татарскую во улицу,
 В Маринкину еще да во слободу:
 Она убила трех-то русских могучиих богатырѣв,
 И убьет-то четвертого русского могучего богатыря».
 Ён поехал ли младый-то Добрынюшка
 Да со этим поспехами богатырским,
 Да со этоёй со саблей да со востройей.
 Ён поехал ли по городу по Киеву,
 Да по этим по частым переулочкам,
 40. Он заехал ли в татарскую улицу.

- Да там в татарской да ведь во улице
 И писк да верезг велик идет —
 И разгорелись-то его жилы богатырские
 Да во этых во руцех да во белых:
 Прирубил всех татар да поганых.
 И он-то ехал ли в Маринкину во слободу,
 Да приехал ли к полатки полотняною
 И опустил ся со коня да богатырского
 И отворяет ворота да он-то на́-пяту,
50. Да в эту полатку полотняную.
 И там сидит Маринка со татариним,
 Со татариним да со поганым,
 Да со этым Одолищом поганым,
 Да со этым Горюнищом поганым.
 Своима она резвыма ногами татарина охватывает,
 Да татарина Горюнища поганого,
 Руками его белыма татарина обнимаёт,
 Да татарина Горюнища поганого.
 И ко белым грудям прижимает,
60. И целует-то устами своими да сахарныма,
 Да этого татарина, Горюнища поганого,
 Да ведь этого Одолища поганого.
 Ён проговори ли младый тут Добрынюшка:
 «Ай же ты, Маринушка, идешь ли за меня замуж?»
 Ёна говорила таково слово:
 «И только иду за мла́дого Добрынюшку Никитича,
 Да за русского могучего богатыря».
 Ён проговори тут младый Добрынюшка Никитинич:
 «Ай же ты, Маринушка, тут я́ это есть,
70. Да нам нужно повенчаться с тобой окол кустышка,
 Да во чисто́м поли окол кустышка ракитового».
 Да обвел ли тут мла́дый Добрынюшка Никитинич
 Окол кустышка ракитова три́ разу,
 Ён проговори ли тут да таково слово:
 «Ай же ты, Маринушка, жена моя!»
 И вынял с ножней да саблю вострую
 Да с того ли темляка богатырского,
 Отрубил ей резвы ноженьки,
 Резвы ноженьки по коленочку,
80. И сам говорил таково слово:
 «Я за то те отрубил да резвы ноженьки:
 Когда ты сидела в палатке полотняной
 Да со этым Одолищом поганым,

- Да с этыим Горюнищом поганыим,
 Ты охватывала своими ногами резвыма».
 Переверне саблю востру на друту сторону,
 Отрубил-то ей да руки белыи,
 Руки белыи да по локо́точки:
 «Я за то те отрубил да руки белыи:
90. Когда ты сидела-то с Одолищом поганыим
 В этой полатки полотняной,
 Прижимала ты руками да ведь белыма,
 Ко своей ли ты ко белой груди».
 И отрубил он у ней буйну голову,
 Да проговорил тут мла́дой Добрынюшка:
 «Оттого я отрубил у тебя буйну голову:
 Когда-то ты сидела в палатки полотняной
 Да с этыим Одолищом поганыим,
 С этыим Горюнищом поганыим,
100. Целовала ты устами да сахарныма
 И этого Одолища поганого,
 И этого Горюнища поганого,
 И за то отрубил у тебя буйну голову,
 Чтобы больше не целовала Одолища поганого!»
 Он съехал ли назад во стольней Киев-град
 К честно-мужней вдовы Офимье Александровной.
 Да проговорит тут честна-мужняя вдова Офимья
 Александровна:
 «Да что же ты, молодой Добрынюшка,
 Долго ездил ты по городу,
110. Долго ездил-то по Киеву,
 По этим по узким переулочкам?»
- «Честно-мужняя вдова, да ты Офимья Александровна!
 Я был ли во улице татарской,
 Да всех прирубил там татар я поганыих,
 И был в Маринкиной я слободы,
 Повенчался с ней окол кустышка ракитова,
 И отрубил ей ножки по коленочку,
 И отрубил руки белы по локоточку,
 И отрубил ей буйну голову:
120. За то я отрубил, что сидела в полатки полотняной
 Да с этыим Одолищом поганыим,
 Да с этыим Горюнищом поганыим,
 И захватывала его ногами резвыма,
 И обнимала его руками белыма,
 Целовала-то устами да сахарными,

Да ведь этого Горюница поганого».
Да тут ли старинушке славу́ поём.

Добрыня и Алеша

- Во славном во городи во Киеви,
 При ласковом князи при Владимири,
 Жили были честныи тут бояра
 И вси сильни могучи богатыри.
 Воспроговорит Добрыня таково слово:
 «Ах же ты, Владимир столен-киевской!
 Хочу я, Добрыня, пожениться
 На молодой Настасьи Микуличной».
10. Это тут ведь завелся у Добрынюшки,
 Это тут ведь завелся почестной пир,
 Перво любовь начинается,
 Честный пир производится.
 Пошел тут Добрыня во божью церкву,
 Принял Добрыня по злату венцу,
 Златыми венцами повенчались,
 Златыми перстнями обручались.
 А-й живет-то Добрынюшка при Киеви,
 Он при ласкови при князи при Владимири.
 А изволил Добрыня он сказать теперь,
20. Честное слово воспроизвести:
 «Ай же ты, есть молода жена,
 Молода Настасья Микулична.
 Ах же родитель моя, матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна,
 Дай мне Добрынюшки прощеньицо,
 Дай-ко Добрыни благословеньицо:
 А съездить Добрыни на чисто на полё,
 А мне ли Добрыни исполяковать,
 Могучи плечи Добрынюшки росталкивать».
30. Ответ держит ему матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна:
 «Поезжаешь, Добрыня, на чистоё на полё,
 На кого оставляешь стару матушку?
 На кого покидаешь молодую жену,
 Молоду Настасью Микуличну?
 Куда оставляешь золоту казну,
 Куда кладешь-то цветно платицо,
 На кого еще оставишь добрых коней?»
 Ответ держит Добрыня он ко матушки,
40. Ко честной вдовы Офимьи Александровной:
 «Ты родитель моя-ка, сударь матушка,
 Ты честна вдова Офимья Александровна.

- А добрых коней я во полё спущу,
 Золоту казну я в погреба́ замну.
 Цветно платицо я на вы́шки кладу,
 А тебе как, родитель моя матушка,
 Честна́ вдова Офимья Александровна,
 Оставлю тебе я золотой казны,
 Золотой казны тебе бессчетныи;
50. Молодой жены я завет кладу:
 Я не буду Добрынюшка с чиста́ поля,
 Я не буду Добрыня ровно три́ году.
 А во ты пору, Настасья, вдовой живи,
 Хоть вдовой живи, да хоть заму́ж поди,
 Ты за князя поди, ли за боярина,
 Аль за сильного могучего бога́тыря;
 Не ходи́ только за братца за крестового,
 А за младого́ Алёшу за Поповича».
 Это тут Добрыня снаряжается,
60. А й на добрых коней-то он сбирается,
 А берет с собой нынече товарища,
 Брата берёт-то он крестового,
 А и По́тыку Михайлу Ивановича,
 И поехали оны́ на чисто́е на полё.
 День от дни как коротається,
 Скоро будут здесь они как на чисты́их на полях,
 А на тых ли на роздольицах широкиих.
 Оны ехали, дорожку продолжали тут,
 А приехали оны на чисто́ на полё,
70. А на тьи на роздольица широкии,
 Поделали тут стойлы лошадиныи,
 Раздернули шатры полотняныи,
 Насыпа́ли пшены белояровыи,
 Во тых ли во стойлах лошадиных.
 Оны-то ведь стали пировати тут,
 Хлеба соли тут покушати,
 По чары выпить зелено́го вина,
 По другой-то выпить пива пьяного,
 По третьей выпить меду сладкого.
80. Поели, попили, покушали,
 Сделали нынь опочив себе,
 А й ложилися спать во белых шатрах,
 А й ложилися спать по вечеру,
 И спали тут ёны до́ утра,
 До того же спали до белá свету.

- Тут Добрыня просыпается,
 Сам говорит таково слово:
 «Стань-ко, брат мой крестовый,
 Подь ты, Михайло сын Иванович,
 90. Ото крепка сна да пробудись-ко ты».
 Ставал его брат тут крестовый,
 Вымыл очи свежо́й водой,
 Утерся полотенышком сушохонько,
 Господу богу помолился,
 На вси стороны ведь ён поклонился
 И пошел во конюшни лошадины,
 Засмотрить пошел ён да добрых коней:
 Все ль кони стоят там по-старому,
 Все ль кони стоят тут по-прежнему.
100. Осмотрел, оглядел он коней добрых:
 Все кони стоят там по-прежнему,
 Зоблют пшениу белояровую.
 Пошел ён как от добрых коней,
 И взял ён тут ведь во белые руки,
 Трубочку взял ён подзорную,
 Поглядел ён тут во чисто поле,
 Оглядел ён во чисто поле как тут,
 Во тое во поле во чистоё,
 А ко той ли горы он ко высокии,
110. Ко тым лесам ко дремуциим,
 Под той ли под горою под высокою
 А стоит ведь конь там богатырский,
 А сидит на кони воин главныи:
 Голова на нем — как бу́рак си́льняя,
- И глаза у него — как чаши пивныи,
 Нос — палица как богатырская,
 На левой но́ги — как борзой кобель,
 На правой но́ги — как ясе́н сокол.
 Это тот ли кобель воспрово́ркивает,
120. А ясе́н сокол — как воспросвистывает,
 И также бога́тырь вопрого́ворит ён:
 «Я матушку русьску́ землю,
 А русьску землю я наскрозь пройду,
 Что ни лучших бога́тырев в полон возьму».
 Это тут его брат крестовый,
 По́тык Михайла сын Иванович,
 Ён повесил головушку до сырой земли,
 А идет-то сам ён кручинится,

- А идет-то сам ён печалится;
 130. А стретает его брат тут крестовьи,
 Молодой Добрынюшка Микитинич:
 «Об чем ты, мой брат, нынь кручинишься,
 Об чем ты скоро нынь запечалился?»
 Ответ дёржит брату крестовому
 По́тык Михайла сын Иванович:
 «Видел бога́тыря престрашного —
 А сидит бога́тырь на добром кони,
 А сидит-то бога́тырь, сам шатается,
 Ладит-то ён русьску землю наскрозь пройти,
140. Нас бога́тырей нынь как во полон взимать».
 Возго́ворит Добрыня таково слово:
 «Поезжай-ко, бога́тырь, поскорёшенько,
 По́тык Михайла сын Иванович.
 Прогони-тко бога́тыря с чиста́ поля,
 Со тою со силою великою,
 Со тою со силою неверною».
 Поклонился брат ему крестовьи,
 По́тык Михайла сын Иванович:
 «Я не смею поехать на чисто́ полё
150. На этого бога́тыря престрашного,
 Я этого бога́тыря весьма́ боюсь».
 Это-то Добрынюшка выходит сам
 Со того ль шатра полотняного:
 «Оставайся, брат ты мой крестовьи,
 Стереги, береги ты белой шатёр;
 Я поеду, Добрыня, на чисто́ полё
 Пред того ль бога́тыря престрашного».

48

- Выскакивал Добрыня скорым-на́скоро
 На тое седельшко окова́ное,
 160. Взимает палицу военную,
 А копьё-то берет долгомерноё,
 Поводами коня он призадергивает,
 Шпорами коня подшевеливаёт.
 Никуда как Добрыня не оглянется,
 Только смотрит Добрыня во чисто́ полё,
 На того ли престрашного бога́тыря.
 Он наехал Добрыня пред бога́тыря,
 Закрычал-то Добрыня во всю голову,
 Колько у Добрыни было го́лоса:
170. «Что же ты, бога́тырь, сидишь на́ кони,
 А не стретаеть меня теперь Добрынюшку?

- Надо нам с тобою познакомиться».
 Приздынул ён головки богатырь тут,
 Сам заговорит таково слово:
 «Молодой Добрыня, не поезживай,
 А русьской богатырь не попурхивай,
 А будешь в мои руки пойманой,
 А вдруг ты будешь приобщипаной».
 А на то Добрыня не согласён был.
180. Розгорелось ёго сердце богатырское,
 Розогнал ён коня как по чисту полю,
 Бил коня ён по туцным рёбрам,
 А поехал он на ручку он на правую,
 Стал бить-рубить он силу тут поганую,
 Котора стояла при богатыри.
 Дока ладился он богатырь, ладился,
 А во ты-пору Добрынюшка прикончил всех,
 А убил ён силы сорок тысящей.
 Сам он говорил таково слово,
190. Молодой Добрыня Микитиниц:
 «Выезжай-ко, богатырь, на чисто на полё,
 У меня палица как рохмаласе,
 Сила как расходиласе».
 Поехал богатырь на чисто на полё,
 Разъезд-то делали великии.
 Съехались на копья на вострыи,
 Копья по яблокам срывалисе,
 А друг друга оны не ранили.
 А съехались они на палицы,
200. А й на палицы тыи военные,

49

- Друг друга тут приударили,
 Ни который которого не ранили.
 Третий раз оны съехались
 А на тыи на сабли на вострыи,
 Отфатил Добрыня богатырю,
 Отфатил ён Добрыня буйну голову.
 Пал тут богатырь со добра коня,
 Тут богатырь кончается.
 Тут поехал Добрыня к своему шатру,
210. К своему шатру он ко белому,
 А ко брату тому он ко крестовому.
 Соходил Добрыня ён с коня доброго,
 Становил коня да ён в стойлы ты,
 А во стойлы во тыи лошадиныи.

- День тот за день как вода текет,
 А неделя за неделю как трава растет.
 Прошло того времечку ведь три году,
 А не видать Добрыни со чиста́ поля.
 Стал Владимир тут подхаживать,
 220. Молодую Настасью подговаривать:
 За его ли за брата за крестового,
 А за мла́дого Алешу Половица.
 Ответ держит Настасья Микулична:
 «Я исполнила заповедь женскую,
 Я исполню ведь заповедь му́жскую,
 А не будет Добрыня со чиста́ поля,
 А пройдет того времечки-то ведь шесть годов,
 Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
 Хоть вдовой живу, хоть заму́ж пойду,
 230. Я за князя ль пойду, за боярина,
 А за сильного могучего бога́тыря.
 Не пойду ль только за брата крестового,
 А за младого Алешу Поповица».
 Это день от дни как продолжается,
 А ездит Добрыня на чисты́х на полях,
 А проходит-то времечки ведь шесть годов,
 А не видать-то Добрыни со чиста́ поля.
 Это стал Владимир ён подхаживать,
 Стал ён Настасью подговаривать:
 240. «Ты поди, поди, Настасья Микулична,
 А поди топере во замужество,
 А за братца поди-ка за крестового,
 За младого Алёшу за Поповица;

50

- А я был Владимир на чистом поли,
 Видел Добрынюшку убитого:
 А лежит убит Добрыня на чистом поли,
 А ён ножкамы лежит вдоль дороженки,
 Буйной головой лежит во ракитов куст,
 А ён ручкамы лежит о сыру́ землю,
 250. Сквозь его ребра травка выросла,
 Росцвели цветочки лазуревы».
 Это тут Настасья приодумалась:
 «Я не знаю сама своей головушки,
 А сама своей головушки подевати,
 А меня не в честь берут, как неохвотою,
 А и силою меня берут неволею».
 А про то ведь Добрынюшка не ведает,

- Как тут ведь Настасья просваталась
 За того ли за брата за крестового,
 260. И за мла́дого Алешу за Поповица.
 А на тую на пору в тое времечко
 А приехал к Добрынюшки бога́тырь нынь,
 А на том ли бога́тырь на добро́м кони,
 Ай на том ли бога́тырь ковано́м седли.
 Это тот ли бога́тырь с Золотой Орды
 Да король земли как он Бухарский.
 Он просит король земли Бухарский
 Выехать Добрыню на чистое на полё.
 Говорит Добрыня таково слово:
 270. «Молодой бога́тырь Золотой Орды,
 Еще король земли Бухарский.
 А едешь ты, да не покурхивай,
 А будешь ты куренок пойманой,
 А мла́дой бога́тырь ты общипаной».
 Скорым-наскоро Добрыня снаряжается
 На своём Добрыня кони доброём
 А на том ли Добрыня ковано́м седли;
 Они съехались на копья на вострыи,
 Копья пополам приломилиси,
 280. Друг друга они не ранили;
 А й на тыи на палицы военные,
 Палицы у них сломилиси,
 Друг друга они не ранили.
 Третий раз оны как тут посъехались,
 Оба выпали оны со добрых коней,
 Стали оны собой таскаться,

 Под нима́ земля как подгибатися.
 Разгорелся Добрыня Микитиниц,
 Своим сердцем он тут богатырским,
 290. А фатил короля за желты́ кудри,
 Кинул короля ён на сыру́ землю,
 Сел королю на белы́ груди,
 Заздыну́л ён Добрыня саблю вострую,
 Во плечи рука тут застояласе.
 Стал ён Добрынюшка выспрашивать,
 Стал ён бога́тыря выведывать:
 «Ты скажись, скажись, бога́тырь, со коёй земли,
 Как тебя, бога́тырь, именем зовут,
 Как звеличают по отечеству?»
 300. Говорит король ни с упадкою:

- «Ах, седатый пёс, ты седа́ брада.
 Кабы я как был на твоих грудях,
 Я не спрашивал бы ни роду ни племени,
 А не имени тебе бы ни отечества;
 Пластал те груди ведь я белыи
 Вынимал бы сердце со-с печенью».
 Заздыну́л Добрыня ручку правую,
 Подыну́л Добрыня саблю вострую,
 А хотел ён отсечь буйну голову,
310. Во плечи рука тут застояласе.
 Стал ён Добрынюшка выпрашивати,
 Стал ён Добрынюшка выведывати:
 «А скажись, молодец ты богатырь нынь:
 Со коёй земли ты, со коёй орды,
 Как молодца именем зовут?»
 Говорит король таково слово:
 «Я есть ведь богатырь Золотой Орды,
 Я король земли я есть Бухарский».
 А взимал Добрыня за белы́ руки,
320. Отдыма́л (так) Добрыня от сырой земли,
 Поставил Добрыня на резвы́ ноги,
 Говорит Добрыня таково слово:
 «А садись-ко, богатырь, на добра́ коня,
 Поезжай-ко, богатырь, во свою землю,
 Во свою землю да Золоту Орду.
 Подарю тебе колечко подзолоченое,
 А свези-тко топерь да своей матушки,
 Дорогой свези топеричу подарочок,
 А еще свези ты челом-битыце».
330. Это сел ту король земли Бухарский,
 А поехал король тот во свою землю.
 А поехал Добрыня во белы́ шатры,
 А лег-то спать как Добрынюшка
 А при тых при латах богатырских.
 А поехал король, тут придумался:
 «А честь ли хвала мне молодецкая
 А съехать мне-ка во свою землю,
 Во славную мою Золоту Орду,
 Свезти матушке своёй мне низкой поклон,
340. Дорогие свезти мне-ка подарочки:
 Станут люди все мне смеяться,
 Будут звать меня как заугольным,
 Будут звать меня как беззаконным».

- Поворот держал богатырь со дороженки,
 Приезжает богатырь ко белу шатру,
 Заздыну́л богатырь саблю вострую,
 Он ударил Добрыню по белой шеи.
 Вострая сабля не забрала,
 Прокатилась она со белой шеи,
 350. Докатилась она до резвы́их ног.
 Тут Добрыня испужался есть,
 От крепкого сну он пробуждается,
 Восстал ён Добрыня на резвы́ ноги,
 Взимал короля ён за желты́ кудри,
 А здымал короля да от земли́ сырой,
 Кинул короля о сыру́ землю,
 Придал королю смерть ту скорую:
 «От кого ты чадо ты зачато́ было,
 От кого ты чадо ведь посеяно,
 360. От того ты чадо нынъ кончайся-тко».
 Это тут у князя у Владимира
 А пошел он начался почестной пир:
 Это идёт Настасья во замужество
 А й за мла́дого Алешу Поповица,
 За его за брата за крестового.
 А на тую пору в тое времячко
 Налетал тут голуб со голубкою,
 А садился голубъ на белой шатер:
 Полетает голубъ в каменну́ Москву,
 370. Оставляет голубку на белом шатру.
 Сго́ворит голубка голубочику:
 «Не остануся голубка на белом шатру,
 Полечу с тобой голубка в каменну́ Москву.
 Как нынечу таперичу
 А уехал Добрыня на чисты́ поля,
 А оставил Настасью во Киеви,
 А прошло того времечки ведь шесть годов,
 А нынъ Настасья-то заму́ж пошла.
 Не за князя пошла за боярина,
 380. Не за сильного могучего богатыря,
 Пошла столько Настасья Микулична
 А за братца его за крестового,
 А й за мла́да Алёшу за Поповица».
 Это тут Добрыня догодается,
 На своих коней скоро собираются,
 Они сели, с товарищем поехали

- Ко тому ли князю ко Владимиру,
 Ко братцу тому ли ко крестовому,
 Ко младому Алеши ко Поповицу,
 390. Ко ему топерь на почестной пир.
 Подъехали оны тут ко Киеву,
 Розлагали, росседлали коней добрых
 А спустили коней да во чисты́ поля.
 А приходит Добрыня во свой тот дом,
 Ко родители ко той ли ко матушки,
 Ко честной вдовы Офимьи Александровной,
 Сам ён во платьи во дорожном.
 Это тут вдова как перепаласе,
 Крепко вдова испугаласе.
400. Говорит Добрыня таково слово:
 «Ты послухай, честна вдова Офимья Александровна,
 Накорми меня топерь со дороженки,
 Поднеси мне-ка чару зелёного вина,
 Это дру́гу поднеси мне пива пьяного,
 Третью поднеси мне меду сладкого».
 Это тут его узнала родна матушка,
 Честна́ вдова Офимья Александровна.
 А сговорит Добрыня таково слово:
 «А где моя нынь молода жена,
410. Где моя топерь любима́ семья,
 Молода Настасья Микулична?»
 А твоя теперь молода жена,
 А твоя теперь да любима́ семья,
 Она теперь да заму́ж пошла;
 А не за князя идет ведь за боярина,
- Не за сильняго могучего богатыря,
 Берут ю за брата за крестового,
 А за млада Алешеньку Поповица.
 А не в честь берут ю не охвотушкой,
 420. А й силою берут ю неволюшкой».
 Сокрутился Добрынюшка Микитиниц,
 А во тыи во платья каличьии,
 Взял в руки гуселка яровчатыйи,
 И пошёл ведь он тут на почестной пир
 Ко тому ён князю ко Владимиру,
 Ко младому́ Алеши ко Поповицу.
 Приходит ён тут во высокой дом,
 Он приходит во гридню столовую,
 Где сидят там князи ведь бо́яра,

430. А и сильни могучи тут бога́тыри.
 Гее сидит князь тут моло́дыи,
 А Алешенька тут Поповиц,
 Подли его сидит тут Настасья Микулична.
 Говорит калика таково слово:
 «Ах же ты, Владимир столен-киевской!
 Дай-ко калики то́перь мистечко
 А натую на печку мура́вленную».
 А тут ёму дали ведь мистечко
 А на той ли на печки мура́вленыи.
440. Сел тут калика, слово вымолвил:
 «Ах же ты, Владимир столен-киевской.
 Позволь-ко калики заиграть топерь,
 Позволь-ко Владимир заиграть-то мне,
 Как мне-ка калики во гусельшка,
 А во тьи ли во гусли яровчатьи».
 Заиграла калика в гусельшка,
 Во тьи во гусли яровчатьи,
 Тонцы повел от Нова-го́рода,
 Другие повел от Царя́-града.
450. Это тут Владимир сдогодается:
 «Выходи-ко, калика, со за́печья,
 А садись-ко, калика, за дубовый стол,
 Супротив князя топерь моло́дого,
 Супротиво княгини Опраксии,
 Молодой Настасьи Микуличной».
 Го́ворит калика таково слово:
 «Ах же ты, Владимир столен-киевской!
 А налей-ко калики ты ведь чару нынь,
 Чару наливай умерённую».
460. Это тут Владимир догодается,
 Наливал ему чару зелёного вина́,
 Дру́гу наливал тут пива пьяного,
 Третью наливал ён меду сладкого;
 Это тут у калики розгорелосе
 Сердце его как богатырское:
 «А позволь-ко, Владимир столен-киевской,
 А налить мне нынь чару зелена́ вина,
 Поднести ведь нынь молодой Настасьи Микуличной».
 «Наливай-ко, калика, как ты знаешь нынь».
470. Наливал калика, приговаривал,
 Спускал туда перстень именитые,
 Коим перстнём обручались,

- Подносил молодой княгини Микуличной,
 Сам подносит, выговариват:
 «Прими-тко нынь ты, Настасья Микулична,
 Прими-тко нынь от калики зелена́ вина,
 Принимай, Настасья, единой рукой,
 Выпивай, Настасья, единым духом,
 Пьешь, Настасья, ведь нынь до дна,
 480. Увидашь, Настасья, себе добра».
- Принимала Настасья единой рукой,
 Выпивала Настасья единым духом.
 Она пила чару, оглядела тут
 Спущенный перстень именитые,
 Коим перстнем обручались.
 Скочила з-за столов з-за дубовых,
 З-за тых за естов за сахарных:
 «Ах же вы, князи, вы, бояра,
 Сильни могучи вси богатыри.
490. А не тот ведь муж, кой подли́ меня,
 А тот мой муж да супротив меня.
 Прости-ко, Добрынюшка Микитиниц,
 Муж ты мой богом сужденыи,
 А жених ты мой как обрученыи,
 Не дивуй-ко ты разуму женскому,
 Подивуй-ко ты разуму мужскому.
 А не честью-то берут меня охвотою,
 Силою берут меня неволею».
- Это тут Добрыня росходился сам,
 500. Сам говорил таково слово:
 «Не дивую я разуму-то женскому,

56

- Подивую я разуму мужскому,
 А честны́ заветы исполнила.
 Не приехал Добрыня со чиста́ поля,
 Не приехал я Добрыня ровно три́ году,
 Не приехал Добрыня ровно шесть годов,
 Пала весточка ко мне нерадостна.
 Я топерь приехал ко Киеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру.
510. Ах ты, Владимир столен-киевской.
 Что ты, Владимир, топерь делаешь,
 От жива мужа как ты жену берешь».
- Подходит нынь Добрыня Микитиниц
 А ко брату тому ко крестовому,
 А к Алеши тому ко Поповицу:

- «А на что ты, брат мой крестовый,
А берешь мою нынь молодую жену,
Молодую Настасью Микуличну?»
А взымал ён Алешу за желты кудри,
520. А кидал ён Алешу о кирпичный мост,
Попридал Алёше смерть ту скорую.
Стал Добрынюшка похаживать,
С ноги на ногу Добрынюшка поступывать,
Зычным голосом по терему поваживать:
«Ах же, князи, видно, бояра,
А вы сильни могучи богатыри,
Ай ты наш, Владимир, на что нынь укинулись,
Делаете дело нехорошее».
Это тут бояра перепалися,
530. Со того пиру как разбегалися.
Говорит Добрыня таково слово:
«Ах же, Владимир столен-киевской.
Я служил тебе как верой правдою,
А ты ведь сделал дело доброе:
Молодую Настасью Микуличну
А силою берешь ты великою.
Ты прощай меня нынь-ка, Владимир князь».
Взял Настасью за белы руки,
Повёл Настасью во свой он дом.
540. Это тут Добрыня наживается,
А история-речь тым кончается.

Алеша Попович и Тугарин

- Под стольным городом под Киевом,
 При ласковом князе при Владимире
 Объявилось новое чудовище:
 Наезжал Тугарин Змеевич.
 Солнышко Владимир стольно-киевский
 Заводил свой хорош почестен пир
 И звал Татарина на почетный пир.
 Ставили столы ему дубовые,
 Наливали питьица медвяные,
 10. Полагали ему ества сахарные.
 Садился Тугарин за дубовый стол,
 Он по белой лебедушке зараз глотал.
 И сидел тут Алешенька Попович,
 Сам говорил таковы слова:
 «Как у моего государя было батюшки,
 У Левонтя попа было Ростовского
 Было псище-то старое.
 Старое псище-то седатое,
 Хватило костище великое.
 20. Где онохватило, подавилось:
 Подавиться Тугарину Змеевичу
 От меня Алешки от Поповича».
 Стал Тугарин пить зелено вино,
 По целой чары зараз глотал.
 Говорит Алеша таковы слова:
 «Как у моего родителя было батюшки,
 У Левонтя попа было Ростовского
 Было коровище великое,
 Выпило питьица лоханище,
 30. Где оно выпило, тут и треснуло.
 И треснет Тугарин-от Змеевич
 От меня Алешки от Поповича».
 Эти ему речи не слюбились:
 Хватил на столе ножище булатное
 И шибнет в Алешку во Поповича, —
 Пролетел нож мимо Алешки Поповича, —
 Как у той было у печи муравленой
 Стоял его слуга Аким паробок;
 Налету он нож подхватывал,
 40. Сам к ножу приговаривал:
 «Ах ты ей, Алешенька Левонтьевич!
 Сам ли ты пойдешь, али меня пошлешь

С Тугарином супротивиться?»
Говорил Алешенька Левонтьевич:
«Не куда уйдет гагара безногая».
Уезжал Тугарин во чисто поле.
К тому же времени на другой день
Выезжал Алеша во чисто поле,
Стретил Тугарина Змеевича
50. И убил Тугарина Змеевича.
Тут век про Алешу старину поют,
Синему морю на тишину,
А вам, добрым людям, на послушанье.